

Порядок и изменение в блумерианской социологии: возможности и ограничения

АНТОН И. БАРАНОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0003-0418-7984>

Рекомендация для цитирования:
Баранов А. И. (2025) Порядок и изменение в блумерианской социологии: возможности и ограничения. *Социология власти*, 37 (2): 85-107. EDN: GTUXTL

For citation:
Baranov A. I. (2025) Order and Change in Blumerian Sociology: Opportunities and Constraints. *Sociology of Power*, 37 (2): 85-107.

Поступила в редакцию: 29.12.2024;
прошла рецензирование: 20.03.2025;
принята в печать: 12.04.2025
Received: 29.12.2024; Revised:
20.03.2025; Accepted: 12.04.2025

© Baranov A. I., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Внимание символических интеракционистов к спонтанным аспектам социальности нередко рассматривалось критиками как неспособность осмыслить структуру. Статья рассматривает данный вопрос сквозь призму проблемы социальных изменений, то есть проблемы соотношения между порядком и процессом его трансформации. Работа преследует две цели: различить интерпретации изменения в рамках блумерианской социологии; определить, предусматривают ли трактовки изменения существование механизмов их сдерживания. Для обнаружения интерпретаций изменения рассматриваются теоретические основания символического интеракционизма (самовзаимодействие и не/символическое взаимодействие), блумерианская версия области коллективного поведения (элементарные коллективные группировки толпы, массы и публики), интеракционистская макросоциология (идея макроорганизации как сети совместных действий, теория моды и концепция индустриализации как агента социальных изменений), эпистемология (процесс создания понятия) и онтология (реальность как диалектика постоянства и изменения). Утверждается, что блумерианская социология демонстрирует симметричный взгляд на соотношение между порядком и изменением. Вопреки когнитивистскому прочтению символического интеракционизма, важную роль в блумерианской социологии

играет взаимодополняемость символа и аффекта как механизмов поддержания порядка и инициации изменений. Символы и аффекты способны взаимно подкреплять или блокировать действия друг друга. Во всех случаях они могут выступать как источники изменения, так и порядка. Поздняя разработка диалектической онтологии постоянства и изменений фиксирует желание Блумера представить наиболее общий и фундаментальный взгляд на соотношение между порядком и изменением. Идея сопротивления упрямой реальности становится способом процессуальной реинтерпретации социальной структуры. Противостояние сил порядка и изменения принимает форму непрекращающихся взаимных приспособлений.

Ключевые слова: символический интеракционизм, социальные изменения, структура, постоянство, интерпретация, аффект, сопротивление, мода, индустриализация

Order and Change in Blumerian Sociology: Opportunities and Constraints

Anton I. Baranov

HSE University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0003-0418-7984>

86

Abstract: The symbolic interactionists' focus on the spontaneous aspects of sociality has often been seen by critics as a failure of the perspective to comprehend structure. The article examines this issue through the prism of the problem of social change, that is, the problem of the relationship between order and the process of its transformation. The paper pursues two goals: to distinguish the interpretations of change within the framework of Blumerian sociology; to determine whether interpretations of change provide for the existence of mechanisms to contain them. In order to identify interpretations of change, the theoretical foundations of the symbolic interactionist perspective (self-interaction and non-/symbolic interaction), the Blumerian version of the collective behavior domain (elementary collective groupings of crowd, mass, and public), interactionist macrosociology (the idea of macroorganization as a network of joint actions, fashion theory, and the concept of industrialization as an agent of social change), epistemology (process of concept creation), and ontology (reality as a dialectic of persistence and change) are considered. It is argued that Blumerian sociology exhibits a symmetrical view of the relationship between order and change. Contrary to the cognitivist reading of SI, an important role in Blumerian sociology is played by the complementarity of symbol and affect as mechanisms for maintaining order and initiating change. Symbols and affects can mutually reinforce or block each other's activity. In all cases, they can act as sources of change and order. The later development of a dialectical ontology of persistence and change captures Blumer's desire to present the most general and fundamental view of the relationship between order and change. The confrontation of the forces of order and change takes the form of incessant mutual adjustments.

Keywords: symbolic interactionism, social change, structure, persistence, interpretation, affect, definition of situation, fashion, industrialization

Введение: корни блумерианской социологии и проблема изменения

Если теория порядка стремится выявить условия возможности организованной социальной жизни, теория социальных изменений акцентирует внимание на соотношении между порядком и процессом его трансформации. Проблему социальных изменений можно свести к ряду вопросов: что является источником изменения; какие формы могут приобретать изменения; как возможно поддержание порядка в условиях перманентной трансформации; какие изменения влекут за собой разрушение социального порядка?

Функционалистский подход к социальным изменениям обобщил Роберт Мертон (Мертон 1994; Merton 1968). Во-первых, социальные изменения прежде всего понимаются здесь как «структурные изменения», то есть изменения, затрагивающие элементы социальных систем в их взаимосвязи с другими элементами. Во-вторых, для функционализма характерно негативистское понимание изменения в терминах «напряжений» и «дисфункций». Козер замечает, что в основе такого взгляда лежит метафора болезни или патологии¹ (Coser 1956, p. 22; Козер 2000, с. 41). Любое структурное изменение интерпретируется как потенциально способное разрушить существующий социальный порядок. Таким образом, изменение трактуется как отклонение от базовой ситуации равновесия в форме «чистого баланса функциональных последствий». Ключевую проблему такого взгляда намечает сам Мертон (Мертон 1994, с. 417): «...сосредоточивая преимущественное внимание на понятии социального равновесия, не игнорируют ли тем самым функциональные аналитики явление социального неравновесия?» Таким образом, внутри функционалистского лагеря тема неравновесия и конфликта оставалась источником теоретического напряжения.

Тема новизны, процессуальности, эмерджентности и динамики социальной жизни являлась одной из ключевых для прагматистской традиции социальной мысли (Кули 2017; Cooley 1897; Дьюи 2003; Dewey 1920; Мид 2014; Mead 1932; Park 1926; Hughes 1949). Перспектива символического интеракционизма (далее — СИ), созданная Гербертом Блумером, в этом смысле не является исключением. Ее внимание к контекстуально специфичным процессам создания

87

¹ Про истоки и критику патологистского мышления в американской социологии 20–30-х годов см.: (Миллс 2013; Mills 1943).

и интерпретации значения даже послужило причиной обвинений в «аструктурной предвзятости» (Reynolds & Reynolds 1973; Wood & Wardell 1983). Ло и Боуден отмечают, что представление об ограниченности СИ анализом микроуровня является наиболее частой ошибкой интерпретаторов (Low & Bowden 2020, p. 6). Хотя тезис аструктурной предвзятости не раз оспаривался сторонниками СИ (Maines 1977, 1988; Fine & Kleinman 1983; Musolf 2016; Thomson & Low 2021), Файн и Тавори заключают, что «интеракционизм упустил важную возможность осмыслить структуру в своих собственных терминах», почему современным интеракционистам необходимо инкорпорировать ресурсы иных социологических традиций (Fine & Tavory 2019, p. 460).

Мы предлагаем оригинальный способ оценки чувствительности блумерианского СИ к «твердым» формам социальности, рассматривая этот вопрос с точки зрения адекватности решения проблемы социальных изменений. Блумер иногда допускает противоречивые суждения о природе реальности и степени ее изменчивости. Отрицая отстаиваемое Тернером сходство базовых предпосылок Мида и Парсонса (Turner 1974), он пишет (Blumer et al. 1975, p. 61): «Ни Мид, ни я не приравнивали процесс символического взаимодействия к состоянию непрерывного изменения (flux). Мы признаем, что этот процесс можно изучать и анализировать в форме пропозиций». Моррионе же приводит следующее высказывание Блумера из личной беседы декабря 1985 года (Morgiione 2021, p. 41): «От природы, не эпизодически, а от природы, имеет место непрерывное изменение (flux)...». Неопределенность позиции Блумера требует прояснения. Дает ли блумерианская социология столь же асимметричный взгляд на соотношение между упорядоченностью и изменчивостью, как и функциональный анализ в замечании Мертонса? Чтобы изменчивость не препятствовала возможности упорядоченной социальной жизни, необходимо, чтобы каждая интерпретация изменения включала в себя встроенный противовес. Данная работа преследует две ключевые цели:

- 1) различить интерпретации изменения в рамках блумерианской социологии;
- 2) определить, предусматривают ли данные трактовки изменения наличие механизмов их сдерживания.

Особый интерес для данного обсуждения представляет прояснение роли аффекта в инициации изменений и поддержании порядка.

Рефлексивный акт и социальное взаимодействие: обращение со значением и переопределение акта

Ключевой работой «зрелого» Блумера может считаться «Методологическая позиция символического интеракционизма» (Blumer 1986;

Блумер 2017а), в которой выдвигаются постулаты СИ, являющиеся визитной карточкой всей перспективы (2017а, с. 38–39):

1. «Люди действуют в отношении вещей исходя из значений, которые эти вещи для них имеют».
2. «Значение вещей выводится или возникает из социального взаимодействия, в которое человек вступает с окружающими».
3. «Значения используются и преобразуются в ходе интерпретативного процесса, посредством которого человек обращается с вещами, с которыми сталкивается».

Третья посылка СИ открывает основной механизм изменения, который локализуется в интерпретативном процессе, приобретая форму трансформации значений. Блумер отсылает к «триадической природе значений» по Миду (Mead 1962, р. 76, 80), которая предусматривает три аспекта значения (2017а, с. 48): «индикация предполагаемого действия другого», «индикация плана действия актора» и «индикация формирующегося совместного акта». Так, значение жеста служит актерам средством предвосхищения будущей деятельности. Формирование значений оказывается возможно благодаря «обладанию Self», которое заключается в способности делать себя объектом собственных действий (Blumer 1966b; Блумер 2008а). Так, Self выступает одновременно источником социального контроля — «Me» — и спонтанной активности — «I».

89

Аспектам Self соответствуют фазы интерпретативного процесса (2017а, с. 42–43): «указание значимых объектов» и «обращение со значением». Если первая фаза заключается в определении «готовых» значений из ролей других, то фаза обращения со значением подразумевает комплекс возможных операций со значениями, включающий возможность перегруппировки и трансформации значений. Таким образом, интерпретация, лежащая в основе самовзаимодействия, является ключевым аспектом в социальных изменениях (Блумер 2017b, с. 155): «...любое направление социального изменения, коль скоро оно предполагает изменение в человеческом действии, неизбежно опосредовано интерпретацией со стороны людей, затрагиваемых изменением, — изменение проявляется в форме новых ситуаций, в которых людям приходится конструировать новые формы действия».

Блумерианская схема социального взаимодействия сохраняет ту же двухфазовую структуру, но рассматривается уже не с позиции интерпретирующего актора и конструирования индивидуального акта, а в формате взаимообмена между актерами. Тогда социальное взаимодействие превращается в процесс чередования определения и интерпретации, где определение отвечает за передачу значений, включая групповые установки, а интерпретация за идентификацию данных значений (2008а, с. 123). Интерпретация в узком смысле соот-

ветствует первой фазе интерпретативного процесса индивидуального актора, в ходе которого он, принимая роль другого, вычленяет значимые объекты, имеющие отношение к предстоящей линии деятельности. Определение же имплицитно подразумевает, что релевантные объекты (включая значимые для актора жесты другого) уже выделены и начинается фаза обращения со значением, когда актор индицирует другому то направление активности, которое желательно для его собственной линии деятельности. Завершение цикла интерпретативного процесса одного актора становится началом цикла интерпретативного процесса другого. Процесс самовзаимодействия неизбежно вмешивается в протекание социального взаимодействия и определяет его траекторию. Блумер отмечает, что двусторонний процесс определения и интерпретации «...как поддерживает установленные паттерны совместного поведения, так и открывает их для трансформации. Установленные паттерны групповой жизни существуют и сохраняются лишь благодаря постоянному применению одних и тех же схем интерпретации; а такие схемы интерпретации поддерживаются лишь благодаря их постоянному подтверждению определяющими актами других» (2008а, с. 124).

90

Воспроизводимость паттернов действия становится возможной в силу того, что их релевантность наличной ситуации подтверждается определением других, разделяющих имеющуюся схему интерпретации. В ходе самоиндикации актор улавливает эти подтверждения со стороны других, что позволяет ему действовать в соответствии с культурным паттерном. Фаза обращения со значением сводится лишь к принятию и исполнению паттерна, если ничто не вынуждает актора модифицировать значение. Трансформация значения происходит тогда, когда актор перестает получать «подтверждающие определения» (affirmative definitions) других, что может стать причиной разрушения общего определения ситуации. Намеренное отклонение от стандартного паттерна становится средством «переопределения» (redefinition) акта другого (2008а, с. 125). Таким образом, выходя за пределы самовзаимодействия в ходе социального взаимодействия, изменение посредством обращения со значением принимает форму переопределения акта другого.

Элементарное коллективное поведение: амбивалентность выхода из повседневности

Тематика коллективного поведения возникает в американской социологии прежде всего под влиянием работ Парка (Парк 2011; Park 1904, 1927, 1930, 1972). В широком смысле Блумер считает коллективным поведением любую «групповую активность», любую ситуацию, требующую взаимно принаравливать (fitting together) линии

действия отдельных индивидов (Blumer 1946, p. 167). Процесс при-
норавливания становится возможным благодаря наличию общих
ожиданий, которые представляют собой различные формы «соци-
альных определений» или «социальных правил». Однако, посколь-
ку далеко не все коллективное поведение упорядочивается посред-
ством социальных определений, Блумер приходит к различению
элементарного/организованного коллективного поведения.

Основным свойством элементарного коллективного поведения
является спонтанность или независимость от социальных правил.
Оно возникает «в условиях волнений или нарушения обычных форм
жизни или жизненных рутин», когда имеющиеся социальные опре-
деления по разным причинам оказываются не способны поддержи-
вать старые установки или удовлетворять новые желания (1946, p.
171). Изучение спонтанной групповой активности оказывается под-
чинено интересу к процессу перехода, поскольку в конечном итоге
коллективное поведение определяется как раздел, изучающий про-
цессы формирования «нового социального порядка» посредством
«затвердевания новых форм коллективного поведения» (1946, p. 169).

«Круговая реакция», являясь базовой формой взаимодействия
в рамках элементарного коллективного поведения, представляет
собой «тип взаимной стимуляции, при котором реакция одного
индивида воспроизводит стимуляцию, исходящую от другого ин-
дивида, и, отражаясь обратно к этому индивиду, усиливает стиму-
ляцию» (1946, p. 170). Процесс формирования «действующей толпы»
(*acting crowd*) как элементарной коллективной группировки основан
на реализации механизмов элементарного коллективного поведе-
ния, в основе которых лежит простейшая интерстимуляция посред-
ством круговой реакции, запускаемая возбуждающим событием
(1946, p. 179–180). Благодаря достижимой таким образом взаимной
унификации чувств становится возможно осуществление совмест-
ной активности по отношению к цели без ориентации на устояв-
шиеся социальные правила, место которых занимают импульсы.

Масса отличается от толпы тем, что ее участники не вступают
в плотное взаимодействие друг с другом, и поэтому не подвергаются
воздействию механизмов элементарного коллективного поведения.
Основанием для образования массы служит особый объект инте-
реса, выходящий за пределы привычных определений локальных
групповых культур, в которых существует индивид (1946, p. 186). По-
скольку в случае массы люди не находятся в тесном контакте друг
с другом, спонтанность поведения вовсе не означает потерю само-
контроля. Наоборот, «индивид в массе... склонен к довольно острому
самосознанию» (1946, p. 187). Не будучи опосредованной круговой
реакцией, реакция члена массы оказывается непосредственно на-
правлена на объект интереса. Индивидуальная активность, вызы-

ваемая объектом интереса, принимает «форму селекции» или выбора альтернативных линий поведения. Массовое поведение может нести угрозу формам социальной организации в тех случаях, когда способы селекции большого количества людей сдвигаются в общем направлении как в случае успешной рекламы (1946, р. 188).

Поведение на публике также предполагает не лишение способности к рефлексии, а усиление критических способностей (1946, р. 190). Публика отличается от массы прежде всего тем, что характеризуется не конвергирующими индивидуальными актами селекции, а конфликтным приспособительным взаимодействием лагерей, занимающих противоположные позиции по конкретному общественному вопросу. Достижение коллективного решения вопроса приводит к единству публики и возможности коллективного действия. Общественное мнение становится «коллективным продуктом», порожденным противостоянием сил (1946, р. 191). Блумер подчеркивает (1946, р. 196): «Появление элементарных коллективных группировок свидетельствует о процессе социальных изменений. Они имеют двойственный характер, подразумевая распад старого и появление нового».

92

Два противоположных способа реагирования на проблемную ситуацию — нейтрализация рефлексии и обострение рефлексии — делят элементарные группировки на два принципиально отличных типа. С одной стороны, мы имеем несимволический тип элементарного коллективного поведения, представленный различными вариациями толп. Они представляют собой радикальный случай отсутствия символического, поскольку возможность интерпретации в них принципиально заблокирована. С другой стороны, есть символический тип элементарного коллективного поведения, выражением которого являются такие группировки, как масса и публика. Неспособность имеющихся в локальной культуре социальных определений разрешить проблему конвенциональным способом влечет не потерю рефлексии, а, наоборот, ее обострение. Несмотря на то что каждый тип элементарных группировок имеет свои отличительные свойства, между ними нет жестких границ. Это означает, что механизмы изменения, действующие в группировках, способны взаимодополнять друг друга, а также перетекать из одних в другие.

Несимволический интеракционизм: аффект как возможность и ограничение

Иная интерпретации нерефлексивного поведения представлена в блумерианской концепции несимволического взаимодействия. Хотя в дискуссии с Бейлзом (Bales 1966) Блумер признает, что сим-

волическое взаимодействие и Self возникают из несимволического взаимодействия (Blumer 1966a, p. 548), чувства в его текстах фигурируют в основном как значимые объекты, которые актер индицирует сам себе и реорганизует, приспособляясь к линиям деятельности других (2008a, с. 122, 124). Это стало причиной критики СИ как перспективы, не учитывающей значимость привычек и эмоций в интеракционных процессах (Baldwin 1988).

Прочтение СИ как когнитивистской теории может быть отчасти скорректировано, если принять во внимание работу о несимволическом взаимодействии (Blumer 1936; Блумер 2008b). Блумер утверждает, что каждая «установка» (attitude) как «тенденция к действию» имеет два аспекта или «фазы» (2008b, с. 140): «аффективную» и «символическую». Каждый из аспектов социальной установки выполняет свою функцию, конституируя установку как цельное образование: символический аспект задает фокус или направленность установки, а аффект обеспечивает «установке живость, движение, силу и напористость». Чувство является «топливом» установки по отношению к объекту, который выделяется процедурой фокусировки на символическом уровне. Так, без символического аспекта оказывается невозможна канализация чувств, помещение их в рамки конкретных объектов, а без чувственного аспекта в принципе не ясно, что будет питать тенденцию к действию. Отсюда вытекает двоякая роль аффективной стороны установки (Ibid.):

93

«По-видимому, именно аффективный элемент придает установке силу и энергичность, поддерживает ее перед лицом давления и предохраняет ее от изменения. Обыденное словоупотребление, похоже, схватывает признание этого и дает ему выражение в общепринятой идее, что для изменения установки человека надо изменить его чувства».

С одной стороны, чувство обеспечивает устойчивость и стабильность сформированной социальной установки. С другой стороны, только изменение чувства «служит гарантией подлинной трансформации» установки» (2008b, с. 144). Социальные установки являются продуктом взаимодействия (2008b, с. 140). Различение двух фаз установок дифференцирует уровни взаимодействия, в рамках которых возникают эти фазы. Образование чувства оказывается непосредственно связано с «несимволическим» уровнем взаимодействия, поскольку подразумевает неосознанную реакцию на жесты других (2008b, с. 144).

Архитектура несимволического взаимодействия достаточно проста. Она представляет собой «сеть аффективных отношений, работающая (operating) в форме экспрессивной стимуляции и импрессивной реакции» (2008b, с. 145). Каналами высвобождения и не-

преднамеренной передачи аффектов служат невербальные средства коммуникации, включая вокальные средства (интонации, тон, тембр, громкость) и вариации телесного поведения (позы, мимика, характер мышечных движений и т. д.). Рассмотрение просодики в качестве канала выражения экспрессивного поведения недвусмысленно указывает на то, что взаимодействие людей протекает одновременно на чувственном и символическом уровне. Неуправляемость экспрессии может иметь в качестве следствия раскрытие того, что не раскрывается в речи и внешних действиях актора (2008b, с. 142). Импрессивный наблюдатель, в свою очередь, невольно улавливает латентные детали поведения, реагируя на них соответствующим образом.

Особая роль механизма чувственной реакции обнаруживается в феномене «первых впечатлений», которые способны перечеркнуть любую предварительную «символическую оценку» другого и сформировать «основу для нашего суждения» (2008b, с. 141-142). Непосредственность впечатления как спонтанной реакции указывает на то, что такое несимволическое взаимодействие должно протекать в рамках непосредственного контакта лицом-к-лицу, в то время как предварительные схемы интерпретации другого могут быть сформированы еще до всякого телесного соприсутствия. В поле взаимодействия лицом-к-лицу первые впечатления становятся темпорально первичными по отношению к символической оценке другого. Более того, Блумер подчеркивает, что «изменяются они труднее, чем создаются», почему «именно такую организацию (невольных реакций) необходимо менять, когда требуется произвести какое-либо значительное изменение в этих установках» (2008b, с. 142). Таким образом, установка не может быть изменена до тех пор, пока не изменится первоначально сформированное чувство.

Блумер делает сразу несколько замечаний, указывающих на существование ограничений для влияния аффектов. Во-первых, имеется механизм, позволяющий сознательно сопротивляться напору экспрессивного поведения, которое приковывает к себе внимание и вызывает импрессивную реакцию. Блумер называет его «актом решения» (2008b, с. 143). Решение может быть принято только на символическом уровне, поскольку человек в ходе саморефлексии должен для самого себя «оправдать» необходимость торможения чувственной реакции. Акт решения требует значительных усилий и далеко не всегда оказывается возможным. Тем не менее сама возможность сознательной блокировки импрессивной реакции в ответ на экспрессивную стимуляцию отражает ограничение произвола чувств. Во-вторых, Блумер показывает, что социальному кодированию подвергаются оба уровня взаимодействия (2008b, с. 144-145): «...экспрессивное поведение регулируется социальными ко-

дами в такой же степени, как язык или действие (conduct). Говорить об аффективной структуре или ритуале в обществе можно, видимо, с такой же обоснованностью и такой же достоверностью, с какой можно говорить о структуре языка или паттерне значений. Почти каждая стабилизированная социальная ситуация в жизни группы навязывает индивидам некоторую схему аффективного поведения, конформность которой от них ожидается».

Блумер приводит примеры различных стандартизированных обстановок (церковь, кабинет врача, театр и т. д.), в рамках которых «устанавливаются узкие пределы для драмы экспрессивного поведения и навязываются аффективные нормы». Так, сформированная социальная установка включает в себя не только схемы интерпретации символического уровня, но и схемы аффектов, с ними ассоциированные. Поскольку рутинные ситуации определяются на символическом уровне взаимодействия, несимволический уровень оказывается вписан в рамки стандартных определений. Экспрессивная стимуляция другого обеспечивает социальный контроль чувств индивида и способствует сохранности социальной установки, поддерживая живость традиции, ритуала или привычки.

Большая эффективность чувственной трансформации не отменяет возможности преобразования социальной установки на символическом уровне посредством изменения интерпретации. Блумер допускает ситуацию рассинхронизации двух планов взаимодействия, когда схема интерпретации объекта уже изменена, а аффективная структура осталась не затронута изменением (2008b, с. 144). Причина, по которой старая установка не была преобразована полностью, заключается в том, что новая информация была передана по символическим каналам, а несимволические каналы оказались не затронуты. Действующие аффективные нормы остаются адекватными, поскольку продолжают получать экспрессивное подкрепление от других или просто не сталкиваются с сопротивлением. Полная трансформация произойдет, если новая или проблемная ситуация потребует не только нового определения, но и нового чувственного восприятия.

Фазово-уровневая модель, представленная в работе о несимволическом взаимодействии, подразумевает прежде всего рассмотрение роли несимволического в органической связке с символическим. Чувственный контакт здесь, хотя и может блокировать предварительную схему интерпретации, как в случае первых впечатлений, сам служит основой для формирования новой интерпретации. Поэтому мы можем непротиворечивым образом рассматривать несимволическое взаимодействие как форму бессознательного элементарного поведения, которая латентно существует в рамках всех организованных форм.

Итак, мы можем расположить версии обоснования источника изменений на разных полюсах оси «Символ-Аффект». Аффективный полюс допускает развилку: «аффект как подкрепление символа» и «аффект как блокировка символа». В обоих случаях аффект рассматривается одновременно как источник порядка и изменения. Аффект может подкреплять или блокировать как уже сложившуюся, так и новую схему интерпретации. Аналогичная ситуация наблюдается на символическом полюсе: определение ситуации либо органично принимает чувственный фон, либо блокирует его посредством «акта решения».

Блумерианская макросоциология: непредписанные совместные действия, коллективный отбор и нейтральная агентность рамочных структур

Возможности трансформации в блумерианской перспективе не ограничены локальными формами рефлексивного и нерефлексивного взаимодействия. Модификации значения, переопределения и аффекты сказываются на более масштабных социальных изменениях. «Совместное действие» (joint action) образует эмерджентное целое, которое нельзя свести к его частям, то есть актам отдельных участников, поскольку именно вовлеченность действующей единицы в процесс приравнивания предоставляет ей особую позицию для осуществления своего акта (2008а, с. 129). Блумер признает, что действия в современном «оседлом обществе» чаще всего имеют «форму повторяющихся шаблонов совместного действия», почему их можно назвать «предустановленными» совместными действиями (2017а, с. 59). Фиксированный характер предустановленных совместных действий поддерживается благодаря «общей идентификации» или определению совместного действия, которое «снабжает каждого участника решающим руководством для направления его акта таким образом, чтобы он встраивался в акты других» (2008а, с. 130). Несмотря на то что благодаря предустановленным совместным действиям появляется возможность образовывать такие стабильные сети действий, как институты (2017а, с. 61), это не избавляет совместные действия от множества «возможностей неопределенности» (2008а, с. 130). В частности, речь идет о возможности возникновения новой ситуации, для которой нет сформированного общего определения, что указывает на существование другого типа совместных действий — «области непредписанного поведения» (2017а, с. 60). Необходимость в непредписанном совместном действии свидетельствует о том, что ситуация не может быть решена в рамках имеющегося паттерна, что вынуждает конструи-

ровать принципиально новые линии поведения. Различение предустановленных и непредписанных совместных действий составляет различие порядка и изменения на макроуровне.

Тем не менее выработка новых линий поведения не отменяет существование прошлого опыта. Так, Блумер обосновывает свой тезис об исторической укорененности совместных действий (2017а, с. 62–63): «...всегда имеется некоторая связь и преемственность с тем, что происходило прежде. Нельзя понять новую форму, не включая знание данной преемственности в анализ этой новой формы». Таким образом, как предустановленные, так и непредписанные совместные действия оказываются исторически укоренены.

В статье Блумера, посвященной феномену моды, наглядно представлен процесс формирования историчности, характеризующий как повторяемые паттерны, так и новые интерпретации (Blumer 1969; Блумер 2008с). Рассматривая парижскую индустрию модной одежды, Блумер приходит к выводу, что «мода устанавливается через процесс свободного отбора из большого числа конкурирующих образцов» (2008с, с. 139). Мода всегда опирается на прошлый опыт моды (2008с, с. 142–143). Преемственность прошлого не обязательно означает его повторение, а может служить отправной точкой его радикального изменения. При разработке новых дизайнов модельеры «подхватывают идеи прошлого, но всегда прогоняют их через фильтр настоящего» (2008с, с. 138). Селективный механизм, обнаруживающийся в основе моды, имеет несколько ключевых функций (2008с, с. 152): функция упорядочивания как «ограничение диапазона изменчивости», функция изменения как «освобождение от прошлого» и функция приспособления как «приготовление к ближайшему будущему».

97

Несмотря на кажущуюся специфичность концепта «моды», Блумер расширяет область применения данного понятия до универсального значения в конструировании социального порядка в современном обществе (2008с, с. 154). Вся социальность может быть представлена как механизм отбора прошлого, релевантного для настоящего. Эта идея имеет непосредственное отношение к философии времени Мида, в которой настоящее, включающее эмерджентное событие, в результате «отбора» формирует свою версию «заданного прошлого», очерчивающего «ситуацию» появления эмерджентного (Mead 1932; Мид 2014). Детерминизм, выраженный в неотменяемости условий или причин эмерджентного события в заданном прошлом, всегда оказывается неполным (2014, с. 57): «А это значит, что все, что бы ни случилось, даже эмерджентное, случается в детерминирующих условиях... но что эти условия никогда не детерминируют полностью то “что”, которое случится».

Идея ограниченной детерминации раскрывается в блумеровской концепции индустриализации (Blumer 1990). Индустриализация

имеет статус агента социальных изменений, но не является каузальным агентом конкретных форм изменений, в силу чего агентность носит нейтральный характер (1990, р. 54): «...процесс индустриализации является агентом социальных изменений. Говорить о нем как о нейтральном или индетерминированном не значит, что он несущественный или безжизненный. Напротив, его внедрение всегда приводит к некоторой степени и некоторой форме социальных изменений».

Являясь нейтральной по своему характеру, индустриализация становится «чистой рамочной структурой» (*bare framework*), содержательное наполнение которой определяется локальной конфигурацией взаимодействия социальной обстановки и процесса индустриализации (1990, р. 82). Связь обстановки и процесса индустриализации в форме взаимодействия не позволяет рассматривать их как набор независимых переменных, определяющих характер социальных эффектов. Сама социальная жизнь должна вписаться в рамочную структуру процесса индустриализации посредством приспособления (1990, р. 47).

98 Блумер перечисляет девять точек входа, которые составляют элементы рамочной структуры индустриализации (1990, р. 42–47). Например, необходимость режима индустриальной работы предполагает лишь наличие «рабочей схемы управления», но ничего не говорит о деталях распределения власти и полномочий, методах поддержания контроля и дисциплины, характере «духа управления», царящего на конкретном предприятии, и наличии или отсутствии недовольства персонала по отношению к действующему режиму (1990, р. 66–67). Каждая точка входа предлагает вариацию возможных путей разворачивания социальных изменений. Более того, конкретные воплощения изменения, локализованные на изначальных линиях контакта, имеют тенденцию «устанавливать разветвленные цепочки трансформации», проникающие вглубь групповой жизни, меняя ее целиком (1990, р. 54). Поскольку дальнейшие изменения оказываются связаны с началом цепочки изменений, направление трансформации групповой жизни всегда будет изначально задаваться содержательным наполнением рамочной структуры индустриализации и ее точек входа, вступающими во взаимодействие с разными сферами групповой жизни. Хотя существует универсум потенциально возможных траекторий социальных изменений, их количество не бесконечно: «Несомненно, процесс индустриализации устанавливает ограничения на диапазон альтернативных социальных изменений, которые могут произойти в любой из девяти точек контакта с групповой жизнью» (1990, р. 76).

Ключевым критерием для квалификации общества как традиционного для Блумера служит «паттерн традиционной привязанно-

сти» (pattern of traditional attachment), от которого зависит степень чувствительности общества к инновациям (Blumer 1964, p. 138-139). Чем сильнее ориентация на прошлое, тем менее восприимчивым к трансформациям окажется общество. Блумер рассматривает пять типов реакции традиционного порядка на появление индустриальной системы (1990, p. 88): «отрицающая», «разделяющая» (disjunctive), «ассимилирующая», «поддерживающая» и «разрушающая». Поскольку реакции традиционного порядка не являются ни предзаданными, ни гомогенными, их карьеры могут оказаться чрезвычайно гибкими: одни способы реагирования могут сменяться другими в том числе под воздействием факторов, не редуцируемые к позициям индустриальных и консервативных групп.

Так выстраивается симметрия во взаимодействии индустриализации и социальной обстановки: не только производственный процесс подстраивается под существующую социальную обстановку, но и сама обстановка должна вписаться в базовые требования точек входа.

От эпистемологии к онтологии: формирование понятий и идея социального постоянства

99

В блумерианской эпистемологии проблема изменения закономерно преобразуется в проблему изменения знания. Определяющим вопросом для проблемы изменения знания становится статус понятия в науке и обыденной жизни (Blumer 1931; Блумер 2017с). Акторы, будь то ученые или обыватели, используют понятия для взаимодействия с тем эмпирическим миром, в котором живут и который стремятся изучить. Понятие неотделимо от интерпретации и действия, почему его целесообразнее «рассматривать как фрагмент или эпизод научного акта, а не как отдельную сущность» (2017с, с. 243). Применяя понятия, люди определяют свои ситуации. Здесь мы возвращаемся к сюжету, связанному с различением двух базовых способов контакта с окружающей средой, которые принимают форму «чистого восприятия» и концептуального «понимания» (2017с, с. 244): «Когда восприятия в ситуации недостаточно, ситуация может пониматься определенным образом и человек может действовать исходя из создаваемой концепции. В этом случае понимание выполняет ту же биологическую функцию, что и восприятие: оно способствует новой ориентации, новой организации усилий, новой реализации действия».

Соответственно, понимание как процесс конструирования понятийных схем служит «костылем» в тех проблемных ситуациях, где рутинного восприятия оказывается недостаточно. Однако на этом процесс не заканчивается (Ibid.): «Кроме того, появляясь вследствие разрыва или недостаточности восприятия, понимание,

в свою очередь, вновь сливается с восприятием, т.е. создаваемая концепция будет определять получаемое восприятие или влиять на него. Концепция — не простой заменитель восприятия, а то, что его формирует».

Итак, мы имеем закольцованный процесс «восприятие-понимание-восприятие», где последний переход фиксирует интеграцию новообразованных понятий в повседневный нерелексивный опыт. Это дает более ясную картину взаимосвязи несимволической и символической фазы социальных установок. То, что изменение чувства является «гарантом полной трансформации» установки, подтверждается конечным возвратом на уровень восприятия после создания концепции. Само понимание служит средством формирования конечного восприятия. Важно заметить, что при формообразующем процессе существует как минимум две возможности: полное определение восприятия или частичное влияние. Степень воздействия понимания на восприятие будет определяться качеством самой концепции. Восприятие служит проверкой валидности складывающейся концепции. Цикл образования нового понятия иллюстрирует процесс закрепления упорядоченных паттернов мышления. Их устойчивость обеспечивается взаимоподдержкой схем интерпретации и схем аффектов.

Как поясняет Прус, познавательные способности людей открывают им возможность схватывать онтологию, то есть содержательную «чтойность» жизненных миров, в которых они обитают (Прус 2017, с. 7). Поскольку окружающая среда не пассивна, а оказывает сопротивление попыткам познать ее в полноте (в жизненные миры попадают новые объекты, а знакомые объекты могут демонстрировать новые неизвестные ранее свойства), люди вынуждены постоянно оценивать, ставить под сомнение и перепроверять определения и интерпретации объектов своих миров. Это проявляется в главном методологическом требовании Блумера «уважать упрямство данного эмпирического мира» (2017а, с. 67).

Новый виток в мысли Блумера, произошедший в 70-е годы, был связан с разработкой метатеоретического концепта «социальное постоянство» (*social persistence*), определяемого как «сохранение во времени либо форм, либо содержания человеческой групповой жизни» (Morrione 1998, р. 206). Любой анализ изменений в таком случае предполагает выделение «сопротивляющихся и упорствующих сил» (*resisting and persisting forces*) и их функционирования. Так, любой акт сталкивается с риском изменения, и чтобы акт был завершен, необходимо упорство или сопротивление возникающим изменениям (1998, р. 211). Таким образом, реальность становится «продолжающимся эмерджентным процессом, состоящим во взаи-

модействии двух „одновременно” существующих и противостоящих сил» (1998, р. 207).

Ключевой связкой метаперспективы Блумера и его теоретической рамкой служит идея «приспособления» (adjustment). Если в магистерской диссертации концепт призван описать этапы революционного процесса (Moggione 1998, р. 192), то в поздней работе он позволяет разграничить проблемы приспособления разных уровней социальной реальности (1998, р. 214–215):

- 1) личное приспособление (личные проблемы индивида: безработица, скука, старость, развод и др.);
- 2) культурное приспособление (изменение ценностей);
- 3) групповое приспособление (изменение социальной структуры);
- 4) институциональное приспособление (изменения социальных институтов).

Моррионе подчеркивает, что для Блумера «эмерджентность продолжается непрерывно и не ограничена тем, что акторам кажется „новым”» (Moggione 2021, р. 41). Подтверждение тому мы обнаруживаем в переписке с Миллером (Blumer & Miller 2004, р. 149): «Я спрашиваю, применим ли эмерджентный процесс ко всему, что попадает в протекание (passage), даже если данная вещь может сохранять свою прежнюю форму». Расширенный взгляд на эмерджентность находит отражение в двойной функции приспособления как источника постоянства и изменения. Акты действующих единиц можно рассмотреть как разновидности «трансформирующих» и «сохраняющих» приспособлений. Выделение уровней приспособления конкретизирует теорию социальных изменений, позволяя определять, на каком слое социальной реальности происходит противостояние сил. В поздней статье Блумер подкрепляет свою метаперспективу посылами, основанными на философии Мида (Blumer 1980, р. 410; Николаев 2008, с. 139):

- 1) «Есть мир реальности „вне нас” („out there”), который противостоит людям и способен сопротивляться действиям в отношении него».
- 2) «Этот мир реальности становится известен людям только в той форме, в которой он воспринимается людьми».
- 3) «Эта реальность изменяется, когда люди развивают новые восприятия ее».
- 4) «Сопротивление мира восприятиям его служит проверкой достоверности этих восприятий».

Если первый пункт отражает постоянство, выраженное в сопротивлении объектов, то на природу изменений Блумер указывает в третьем пункте. Хотя этот взгляд перекликается с третьим постулатом СИ, здесь процесс изменения переносится из локального интерпретативного процесса на саму природу реальности.

Заключение: многомерность изменения и процессуальность порядка

Опираясь на экспликацию блумеровских теоретических построений, мы можем вывести следующие интерпретации изменения:

1. Рефлексивный акт — изменение как фаза обращения со значением в интерпретативном процессе.
2. Социальное взаимодействие — изменение как переопределение ситуации.
3. Коллективное поведение — изменение как элементарное коллективное поведение.
4. Несимволическое взаимодействие — изменение как аффективная фаза установки.
5. Эпистемология — изменение как переключение между восприятием и пониманием.
6. Мода — изменение как коллективный отбор.
7. Индустриализация — изменение как локальная конфигурация взаимодействия производственной системы и социальной обстановки/традиционного порядка.
8. Онтология — изменение как трансформирующее приспособление (взаимодействие постоянства и изменения).

Элементарное коллективное поведение предполагает сразу несколько вариантов реализации изменения:

1. Несимволические элементарные группировки (толпы) — изменение как аффективное блокирование символа.
2. Символические элементарные группировки:
 - I. Масса — изменение как острая сознательная селекция.
 - II. Публика — изменение как конфликтное приспособительное взаимодействие.

Все версии изменчивости сходятся в идее приспособительного процесса, который разворачивается на разных уровнях и проявляется в различных формах. Каждая несет в себе амбивалентность приспособления как источника постоянства и изменения. Локализация источника изменения в аффекте предполагает принципиально разные формы воздействия аффекта: «блокирование» или «подкрепление» символа. Блокирование сложившейся интерпретативной схемы в ходе несимволического взаимодействия всегда сопровождается созданием основы для новой схемы интерпретации, тогда как поведение толпы в принципе не допускает интерпретативного процесса. Круговая реакция обеспечивает аффективный контроль над участниками толпы. Если социальные определения будут восстановлены, действие механизма круговой реакции прекратится, а толпа перестанет существовать. Взаимосвязь чувственного восприятия и мышления позволяет при необходимости

формулировать новые понятия, а также отвечает за стабильность устоявшихся концептов.

Символические элементарные группировки, наоборот, характеризуются острым самосознанием перед лицом возникающей проблемы. Если самосознающие индивиды сталкиваются с проблемой анонимно, не контактируя друг с другом, то они формируют массу. Такое самосознание приводит в действие механизм селекции, частный случай функционирования которого можно увидеть в выборе моды. Идея рефлексивного отбора, имеющая основание в мидовской философии времени, становится здесь определяющей и согласуется с локализацией источника изменения в интерпретативном процессе. Публика представляет иной тип сознательной реакции на проблему, предполагающий не индивидуальный выбор, а участие в коллективной дискуссии. В рамках дискуссии дифференцируются группы, отстаивающие альтернативные способы решения проблемы. Спецификация изменения как конфликта противоборствующих групп находит отражение в прагматистской диалектике постоянства и изменения. Блумер связывает данное противостояние с селективным процессом, где постоянство отражает инертное прошлое, а изменение локализовано в настоящем (Moggiore 1998, p. 211-212). Взаимодействие постоянства и изменения превращается во взаимное приспособление прошлого и настоящего. Отрицающая реакция традиционного порядка на точки входа процесса индустриализации отражает этот всеобщий процесс приспособления на конкретном примере (1990, p. 91): «Неизменно, в какой-то степени, возникает сопротивление некоторым из вводимых вещей, и сопротивление может быть эффективным».

103

Блумерианская рамка осмысления изменения показывает, что возможности трансформации порядка всегда до некоторой степени ограничены наличными символами и аффектами, но каждый момент несет новую креативную сборку или конфигурацию старого, рожденную как компромисс между приходящим настоящим и упрямой реальностью прошлого. Идея сопротивления высвечивает процессуальный взгляд на ограничения, отражая симметричную связь между силами порядка и изменения на любых уровнях социальной реальности. Экспликация блумерианских идей демонстрирует, что интеракционизм все же обладает возможностью осмыслять не только социальную динамику, но и социальную статику в своих терминах. Подобная реактуализация забытых элементов классического СИ представляется достойной альтернативой или, по крайней мере, важным дополнением к стремлению интегрировать интеракционизм с иными теоретическими полями для преодоления аструктурной предвзятости.

Список источников / References

Блумер Г. (2008a) Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*, (1), с. 118–137. EDN: IBXPDT

— Blumer H. (2008a) Sociological implications of the thought of George Herbert Mead. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (1), pp. 118–137. (in Russ.)

Блумер Г. (2008b) Социальные установки и несимволическое взаимодействие. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*, (1), с. 138–145. EDN: IBXPED

— Blumer H. (2008b) Social attitudes and non-symbolic interaction. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (1), pp. 138–145. (in Russ.)

Блумер Г. (2008c) Мода: От классовой дифференциации к коллективному отбору. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*, (2), с. 132–154. EDN: IIZDGT

— Blumer H. (2008c) Fashion: from class differentiation to collective selection. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (2), pp. 132–154. (in Russ.)

Блумер Г. (2017a) Методологическая позиция символического интеракционизма. В: Г. Блумер, *Символический интеракционизм* (с. 37–117). М.: Элементарные формы.

— Blumer H. (2017a) Methodological position of symbolic interactionism. *Symbolic Interactionism*. М.: Elementary Forms, pp. 37–117. (in Russ.)

Блумер Г. (2017b) Общество как символическое взаимодействие. В: Г. Блумер, *Символический интеракционизм* (с. 141–157). М.: Элементарные формы.

— Blumer H. (2017b) Society as Symbolic Interaction. *Symbolic Interactionism*. М.: Elementary Forms, pp. 141–157. (in Russ.)

Блумер Г. (2017c) Наука без понятий. В: Г. Блумер, *Символический интеракционизм* (с. 241–259). М.: Элементарные формы.

— Blumer H. (2017c) Science without concepts. *Symbolic Interactionism*, М.: Elementary Forms, pp. 241–259. (in Russ.)

Дьюи Д. (2003) *Реконструкция в философии. Проблемы человека*. М.: Республика. EDN: QWFIPN

— Dewey D. (2003) *Reconstruction in philosophy. Problems of Man*. М.: Respublika. (in Russ.)

Козер Л. (2000) *Функции социального конфликта*. М.: Идея-Пресс.

— Coser L. A. (2000). *The Functions of Social Conflict*. Ideja-Press. (in Russ.)

Кули Ч. Х. (2017) Процесс социального изменения. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*, (3), с. 117–134. EDN: ZOGBMV

— Cooley C. H. (2017) The process of social change. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (3), pp. 123–141. (in Russ.)

Мертон Р. К. (1994) Явные и латентные функции. В: Е. И. Кравченко (Сост.), В. И. Добренков (Ред.), *Американская социологическая мысль: Тексты* (с. 379–448). М.: Изд-во МГУ.

— Merton R. K. (1994) Manifest and latent functions. *American sociological thought: texts*. М.: Izd-vo MGU, pp. 379–448. (in Russ.)

Мид Дж. Г. (2014) *Философия настоящего*. М.: Изд. дом ВШЭ. EDN: ZFPHGR

— Mead G. H. (2014) *Philosophy of the Present*. М.: Изд. дом VShJe. (in Russ.)

Миллс Ч. Р. (2013) Профессиональная идеология социопатологов. *Социологический журнал*, (1), с. 10–35. EDN: QASHWL. <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.1.361>

— Mills C. W. (2013) The Professional Ideology of Social Pathologists. *Sociological Journal*, (1), pp. 10–35. (in Russ.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.1.361>

Николаев В. Г. (2008) Символический интеракционизм Герберта Блумера (II): Теоретическая перспектива. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*, (3), с. 133–154. EDN: JJSHHT

— Nikolaev V. G. (2008) Herbert Blumer's Symbolic Interactionism (II): A Theoretical Perspective. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (3), pp. 133–154. (in Russ.)

Парк Р. Э. (2011) Человеческая природа и коллективное поведение. В: Р. Э. Парк, *Избранные очерки: Сборник переводов* (с. 57–65). М.: ИНИОН РАН. EDN: OHJVXX

— Park R. E. (2011) Human nature and collective behavior. *Selected Essays: A collection of translations*, М.: INION RAS, pp. 57–65. (in Russ.)

Прус Р. (2017) Предисловие к русскому изданию. В: Г. Блумер, *Символический интеракционизм* (с. 7–29). М.: Элементарные формы.

Prus R. (2017) Preface to the Russian edition. (*Symbolic Interactionism*). М.: Elementary Forms, pp. 7–29. (in Russ.)

Baldwin J. D. (1988) Habit, Emotion, and Self-Conscious Action. *Sociological Perspectives*, 31(1), pp. 35–57. <http://journals.sagepub.com/doi/10.2307/1388950>

Bales R. F. (1966) Comment on Herbert Blumer's Paper. *American Journal of Sociology*, 71(5), pp. 545–547. <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/224172>

Blumer H. (1931) Science Without Concepts. *American Journal of Sociology*, 36(4), pp. 515–533. <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/215473>

Blumer H. (1936) Social Attitudes and Nonsymbolic Interaction. *Journal of Educational Sociology*, 9(9), pp. 515–523. <https://doi.org/10.2307/2262360>

Blumer H. (1946) Collective behavior. In A. M. Lee (Ed.), *New Outline of the Principles of Sociology* (2nd ed., pp. 165–222). Barnes & Noble.

Blumer H. (1964) Industrialization and the Traditional Order. *Ethistics*, 18(106), pp. 138–140.

Blumer H. (1966a) Reply. *American Journal of Sociology*, 71(5), pp. 547–548. <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/224173>

Blumer H. (1966b) Sociological Implications of the Thought of George Herbert Mead. *American Journal of Sociology*, 71(5), pp. 535–544.

Blumer H. (1969) Fashion: From Class Differentiation to Collective Selection. *Sociological Quarterly*, 10(3), pp. 275–291. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1969.tb01292.x>

Blumer H. (1980) Mead and Blumer: The Convergent Methodological Perspectives of Social Behaviorism and Symbolic Interactionism. *American Sociological Review*, 45(3), pp. 409–419. <https://doi.org/10.2307/2095174>

Blumer H. (1986) *Symbolic interactionism: Perspective and method*. University of California Press.

Blumer H. (1990) *Industrialization as an Agent of Social Change: A Critical Analysis*. Routledge.

Blumer H., & Miller D.L. (2004) On George Herbert Mead's contribution to understanding human conduct. In T.J. Morrione (Ed.), *George Herbert Mead and human conduct* (pp. 109–153). AltaMira Press.

Blumer H., Parsons T., & Turner J.H. (1975) Exchange on Turner, „Parsons as a Symbolic Interactionist”. *Sociological Inquiry*, 45(1), pp. 59–68. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1475-682X.1975.tb01214.x>

Cooley C.H. (1897) The Process of Social Change. *Political Science Quarterly*, 12(1), pp. 63–81. <https://doi.org/10.2307/2140028>

Coser L. A. (1956) *The Functions of Social Conflict*. Free Press.

Dewey J. (1920) *Reconstruction in Philosophy*. Henry Holt and Company.

Fine G. A., & Kleinman S. (1983) Network and Meaning: An Interactionist Approach to Structure. *Symbolic Interaction*, 6(1), pp. 97–110. <https://doi.org/10.1525/si.1983.6.1.97>

Fine G. A., & Tavory I. (2019) Interactionism in the Twenty-First Century: A Letter on Being-in-a-Meaningful-World. *Symbolic Interaction*, 42(3), pp. 457–467. <https://doi.org/10.1002/symb.430>

Hughes E. C. (1949) Social Change and Status Protest: An Essay on the Marginal Man. *Phylon* (1940–1956), 10(1), pp. 58–65. <https://doi.org/10.2307/272218>

Low J., & Bowden G. (2020) An Embattled Yet Enduring Influence: Introduction to a Special Issue on Blumerian Symbolic Interactionism. *Symbolic Interaction*, 43(4), pp. 575–596. <https://doi.org/10.1002/symb.519>

Maines D. R. (1977) Social Organization and Social Structure in Symbolic Interactionist Thought. *Annual Review of Sociology*, 3, pp. 235–259. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.03.080177.001315>

Maines D. R. (1988) Myth, Text, and Interaction Complicity in the Neglect of Blumer's Macrosociology. *Symbolic Interaction*, 11(1), pp. 43–57. <https://doi.org/10.1525/si.1988.11.1.43>

Mead G. H. (1932) *The Philosophy of the Present* (A. E. Murphy, Ed.). The Open Court Company.

Mead G. H. (1962) *Mind, Self & Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist* (C. W. Morris, Ed.). University of Chicago Press.

Merton R. K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. Free Press.

Mills C. W. (1943) The Professional Ideology of Social Pathologists. *American Journal of Sociology*, 49(2), pp. 165–180. <https://doi.org/10.1086/219350>

Morrione T. J. (1998) Persistence and change: Fundamental elements in Herbert Blumer's metatheoretical perspective. In L. Tomasi (Ed.), *The Tradition of the Chicago School of Sociology* (pp. 191-216). Ashgate.

Morrione T. J. (2021) Herbert Blumer, symbolic interactionism, and 21st-century sociology. In D. V. Lehn, N. Ruiz-Junco, & W. J. Gibson (Eds.), *The Routledge international handbook of interactionism*. Routledge.

Musolf G. R. (Ed.) (2016) *The Astructural Bias Charge: Myth or Reality?* (Vol. 46). Emerald Group Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S0163-2396201646>

Park R. E. (1904) *Masse und Publikum: Eine Methodologische und Soziologische Untersuchung*. Lack & Grunau.

Park R. E. (1926) The Concept of Position in Sociology. *Papers and Proceedings of the American Sociological Society*, pp. 1-14.

Park R. E. (1927) Human Nature and Collective Behavior. *American Journal of Sociology*, 32(5), pp. 733-741. <https://doi.org/10.1086/214235>

Park R. E. (1930) Collective behavior. In A. Johnson & E. R. A. Seligman (Eds.), *Encyclopedia of the Social Sciences* (Vol. 3, pp. 631-633). MacMillan.

Park R. E. (1972) *The Crowd and the Public and Other Essays* (H. Elsner, JR., Ed.; C. Elsner, Trans.). University of Chicago Press.

Reynolds J. M., & Reynolds L. T. (1973) Interactionism, complicity, and the astructural bias. *Catalyst*, 7 (Winter), pp. 76-85.

Thomson L., & Low J. (2021) Symbolic interactionism and the myth of astructural bias: A textual defense and illustrative advice. *Canadian Journal of Sociology*, 46(2), pp. 97-120. <https://doi.org/10.29173/cjs29734>

Turner J. H. (1974) Parsons as a Symbolic Interactionist: A Comparison of Action and Interaction Theory. *Sociological Inquiry*, 44(4), pp. 283-294. <https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.1974.tb01162.x>

Wood M., & Wardell M. L. (1983) G. H. Mead's Social Behaviorism vs. The Astructural Bias of Symbolic Interactionism. *Symbolic Interaction*, 6(1), pp. 85-96. <https://doi.org/10.1525/si.1983.6.1.85>

107

Об авторе / About the author

Баранов Антон Игоревич — аспирант кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Научные интересы: прагматизм, интеракционизм, социальные изменения, история социологии.

<https://orcid.org/0009-0003-0418-7984>. E-mail: tohax100@gmail.com

Anton I. Baranov — postgraduate student of Department of General Sociology, National Research University Higher School of Economics. Research interests: pragmatism, interactionism, social change, history of sociology.

<https://orcid.org/0009-0003-0418-7984>. E-mail: tohax100@gmail.com